

## Олег ДОЗМОРОВ

\*\*\*

Над приемным покоем всходила звезда,  
над приемным покоем.  
Обещала звезда: ничего, ерунда,  
все пройдет, мы прикроем.

Разливала звезда изумительный спирт,  
широко разливала.  
Бинтовала звезда, притворялась, что спит,  
и опять бинтовала.

Это странное дело я видел в окно,  
из автобуса видел  
и надежду, что взбита лучами легко,  
я немедленно выпил.

Развернулся автобус, поехал назад  
(так легко развернулся),  
и в окне снова Тутинг и Клэпем летят.  
И я снова очнулся.

И табличка светила «Emergency ward»,  
белым с красным табличка,  
и душа навсегда встрепенулась и вот  
трепыхалась, как птичка.

\*\*\*

В Москве, передают, забиты рестораны  
и в филармонии искусства сладок дым –  
и на вопрос, другим поэтом данный,  
ответчу я: да, весело всем им.

---

*Олег Дозморов родился в 1974 году в Свердловске. Окончил филологический факультет и аспирантуру Уральского государственного университета и факультет журналистики МГУ. Работал грузчиком, сторожем, библиотекарем, преподавателем, журналистом, редактором. В 1999-2000 годах входил в редакционный совет журнала «Урал». Публиковался со стихами и эссе в журналах «Урал», «Звезда», «Арион», «Воздух», «Знамя», «Новая Юность», «Стороны света», «Уральская новь», «Новый мир», альманахах «Urbis», «Алконост» и др. Выпустил шесть сборников стихов. Лауреат «Русской премии», 2012, спецприз премии «Московский счёт», 2012 (за книгу «Смотреть на бегемота»). Живет и работает в Лондоне. Предыдущая публикация в «Волге» – 2022, № 7-8.*

Ох, нет, не весело. Ведь «цены», «за границу  
не едем отдыхать и не купить айфон».  
О, современники. О, каменные лица.  
Какой тяжелый сон.

\*\*\*

Все начиналось с мультиков. Зима.  
Свердловск напоминает остров Врангеля,  
но в два часа показывают «Врунгеля»  
и «Маугли», чтоб я сходил с ума.

Зачем все так? Зачем по телевизору  
в саму себя влюбляется страна,  
переодетому внимая Визбору,  
и муха превращается в слона?

Зачем они – четыре плюс собака –  
смеются в танке, милый Де Тревиль,  
который Лев, поет из телемака  
и пьянствует фальшивый Баскервиль?

Зачем лежала в глубине веков  
страна, труп подгнивал на площади,  
провинциальный мачо Михалков  
скакал на лошади?

\*\*\*

Вечер преобладает, медяшку драит –  
закат по Тернеру, всё по ГОСТу.  
Традиционная лирика умирает –  
я прочел когда-то в журнале «Воздух».

Только этим-то параллельно,  
фиолетово, зеленовато,  
что стишочки наши больны смертельно  
(облака пролезли сюда по блату).

Мир подобен милости чудотворца  
посреди печалей земных и бедствий,  
и чем больше количество диспропорций,  
тем ценнее качество соответствий.

Вот и в небе пара химвейл-царапин,  
словно знак «равно», и, учитывая безветрие,  
я еще постою на улице Веденяпина,  
в абсолютном торжестве геометрии.

\*\*\*

Не пой, красавица, при мне  
ни «Джетро Талл», ни Билли Айлиш.  
Я от всего устал вполне,  
ты пополам меня развалишь.

Увы! Любая песенка  
и даже лучшая пластинка –  
для миокарда чудака  
давно уже не витаминка.

А если сам я запою  
и воспроизведу цитату,  
замьюту песенку мою,  
не потакаю психопату.

\*\*\*

Человеку нужен бутерброд,  
человеку нужен чебурек,  
человеку нужен анекдот,  
человеку нужен человек.

Чтобы человек хотя бы мог  
вечер провести без влажных глаз –  
полусонный слушатель под бок,  
ничего не значащий рассказ.

Чтобы самому существовать,  
словно бы всегда существовал, –  
с сонным человеком засыпать  
под неинтересный сериал.

### **Простые стихи**

Давай мы станем новыми людьми,  
какими-нибудь, ну, американцами,  
античной хрестоматией семьи,  
и по субботам заниматься танцами

начнем, возьмем кредит и купим дом,  
как в том кино, с машиной и собаками,  
и постареем до предела в нем,  
и кучу фильмов со стрельбой и драками

посмотрим вместе, прежде чем умрем.  
А если не умрем, то в ресторанчике

заметим парочку – он ей такой: начнем  
другую жизнь на чердаке, в подвальчике?

Она в ответ смешно пожмет плечом,  
колечко повернет на милом пальчике.  
Давай-ка мы отсюда не уйдем,  
а станем ими, в этом темном зальчике.

\*\*\*

Ба-бах! Упали первые каштаны,  
полдневный жар уже почти не жар,  
по вечерам видать до Дагестана –  
с винцом в груди и пр. репертуар.

Когда весь мир вам наступил на гордость,  
ответка обязательна почти, –  
так что к звезде лирическую кротость  
и полулицемерное «прости».

Плюс слово исключительное, злое  
вплети, поэт, в веселый разговор,  
а эта гибель – дело молодое,  
как серебро, слепящее со шпор.

Война идет, а я гоню такое?  
Но ты мне ни о чем не говори –  
а то уйди, оставь меня в покое.  
Я знаю всё. И сопли подбери.

Всю ночь гремели выстрелы каштанов  
и содрогалась чуждая земля,  
где Лермонтов выходит из шалманов,  
в пустом кармане мелочью звеня.

\*\*\*

Хреново без Вити Смирнова.  
Не то чтоб совсем хреново –  
не подберу слово.  
Осознаю это снова.

Витя не был тефлоновым,  
стать не мечтал чемпионом,  
он не того уклона.  
Не был ничьим клоном.

Не стеснялся рифмы,  
кое-что приоткрыл мне.

Вяземского и Решетова  
зеленого подарил мне.

Жил давно в доме у бани  
на улице Первомайской,  
умер во сне на диване  
уральской ночью ноябрьской.

Было и так все хило,  
и вообще, и конкретно,  
а стало совсем тоскливо  
без Вити Смирнова поэта.

Витя был самый скромный,  
самый из нас одинокий,  
двигался в свою сторону,  
писал изящные строки.

Мы редко потом встречались,  
пили уже не водку,  
хоть он-то по этой части  
мог опрокинуть не стопку.

Он говорил: курилка,  
жизнь не Моника Вити,  
а человек не копирка.  
Прости нас, Витя.

Мы живем кучеряво  
и сочиняем вздор мы,  
а надо уйти от нормы,  
на все положить пора бы.

Виктора мы не забудем –  
пишу я июльским днем  
себе и еще трем людям,  
может быть, четверем.

### **Бандл-Ривер, приток Темзы**

Они заводят шашлык,  
и машут весело рукой,  
пляж засоряют у реки.  
Ну почему я не такой?

А хорошо бы так орать,  
настроив фокус на простом,  
по воскресеньям завтракать  
с того же вида существом.

Не обязательны слова,  
слюной лекарственный обмен,  
и даже не нужны права,  
помимо права «глух и нем».

Проковыляв земную жизнь,  
иди теперь путем червя,  
то преимущественно вниз,  
то вбок туннельчик свой чертя.

А наверху горит роса  
и бесят живостью своей  
сестра поэта стрекоза  
и друг поэта муравей.

\*\*\*

Кофе за столиком,  
дождик прошел.  
Все плохо настолько,  
что хорошо.

Нет, не тревожно.  
Все произошло.  
Так безнадежно,  
так хорошо.

Без философий  
и без надежд.  
Выпей-ка кофе,  
что-нибудь съешь.

\*\*\*

Долгой ясной осенью  
парк наш подраздет,  
ну а то и вовсе ню,  
если сзади свет.

Здравствуй, умирание,  
типа суть вещей,  
голое собрание  
каштанов, тополей.

Все, природе задница,  
гнусно на душе,  
и куда все катится,  
ясно уже.

В целом направление  
именно туда,  
где за потеплением  
только холода.

И от этой ясности,  
этой простоты  
стало легче – в частности,  
хоть всему – кранты.

\*\*\*

Как пахло из сада листвою и травой,  
как пахло из сада  
природой и частью ее неживой,  
началом распада.

Поэт бы нормальный заметил: ну вот,  
душа умирает,  
погладил бы в майке округлый живот  
(тут кто-то икает).

Я только отмечу: осенней порой  
(аллюзии – мимо)  
лирический ловит пичальку герой,  
что, в общем-то, мило.

Стоит посреди облетевшей листвы,  
красиво и глупо.  
Теперь вот в пакеты, а раньше – в костры.  
По сути ведь трупы.

Вдыхай впалой грудью белки, сахара,  
баланс этилена.  
Чего же ты, мальчик, стоишь у костра  
в листве по колено?

\*\*\*

Как-то раз я был в Гааге,  
посмотрел там две картины –  
облака как на бумаге  
над старинными домами

и жемчужную серёжку  
удивительных размеров.  
Изумлялся понемножку  
и разглядывал витрины,

но успел на скорый поезд  
и очнулся в Амстердаме.  
А теперь иная повесть –  
принесло дурные вести,

мы давно без них ни шагу.  
Маурицхейс! Мир святою  
не спасла ты красотой.  
Снова вести номер двести.

Снова выплеск мертвечины.  
Бесполезные картины.  
Я ещё тогда подумал:  
две картины в тесном зале,

две картины в тёмном зале –  
лучшее, что есть на свете.  
Я был безнадежно молод  
и банален на две трети.

Но в прекрасную Гаагу  
я бы съездил. Будет повод.

\*\*\*

Проснулась муха,  
я протянул руку.  
Ну здравствуй, мука,  
что скажешь другу?

Что-то ты рано, сука,  
ещё февраль ведь.  
Хотя ведь сухо,  
лишь утром наледь.

Чеши пузо,  
звени в ухо.  
Не скажу муза,  
скажу старуха.

Вспомню Блейка,  
опять же – Джозеф.  
Обезголосев,  
моя копейка.

Мертва поэзия.  
Зато есть муха.  
Жужжи же, бестия,  
касайся слуха.